

В. Б. Прокурова
*Представительство журнала
«Вестник архивиста в Европе»*

ФРАНЦУЗСКИЕ ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ XX в. ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Во второй половине XX в. в интеллектуальном пейзаже Франции возникло новое явление: философы стали писать об архивах, а историки к ним прислушиваться. Ранее, как писал Франсуа Досс, «диалог между философией и историей оставался диалогом глухих, потому, что историки... гораздо больше смотрели в сторону «братских» социальных наук, чем в сторону философии». Философию и историю столкнули на архивной почве два кризиса: во-первых, крушение Империи, чуть не превратившее французов «в безутешных сирот прошлого», но породившее ностальгическую страсть к памятникам, «погоню» за архивами¹, во-вторых, кризис метарассказа, вызванный синтезом единой науки о человеке. В трудах Мишеля Фуко, Поля Рикера, Мишеля де Серто нам важны не исторические построения, а мысли о работе историка (отношения историка и источника, методика «извлечения» фактов из источника, историческая реконструкция), изменившие взгляд общества на архив. Материал для анализа обширен, т. к. философы высказались по всем проблемам: от создания архивов до их использования в научном обороте и влиянии на массовое сознание.

Автор-источник: рождение архива

Эти вопросы изучали П. Рикер и Ж. Деррида. Понятие «след прошлого» Ж. Деррида считал универсальным: следы оставляет все живое. Даже незаписанные воспоминания – это «след», но «не всякий след есть архив, поскольку архив предполагает не только наличие следа, но и его присвоение, организацию... политический контроль над ним». Создание архивов – прерогатива власти. В «Архивных тягостях» (1995), толкуя многозначное греческое слово «архе» («начало» и «заповедь»), Деррида писал, что «архивный вопрос... определяет политику как *res publica*. Любая власть контролирует архивы»². П. Рикер считал, что методика изучения письменных источников, для которых он дал два определения («запись – закрепление устно выраженной речи на материальном носителе»; и «документ – сумма знаков и свидетельств»³), наиболее разработана: «Письменность – это...

единственный языковой барьер, который историческая наука всегда преодолевает, чтобы проследить сложные приключения создания архивов, объяснения и воссоздания прошлого»⁴.

Архивоведение и его методика

Считая государство ответственным за архивы, Ж. Деррида вместе с П. Бурдые, Р. Дебре и П. Нора подписал в 1992 г. открытое письмо с призывом отбирать на постоянное хранение «обязательные экземпляры» телерадиопередач, чтобы архивисты могли «записать всю жизнь страны». П. Рикер, Ж. Деррида, П. Нора полагали, что в наше время прошлое является сверхценностью и все имеет шанс стать «наследием». Но Деррида считал отбор исторических источников на хранение вариантом цензуры. В отборе философ видел суть и трагедию ремесла архивиста. Он заметил, что методику отбора архивов используют для других источников. «Фильтрование архива – это ужасная вещь! – писал философ, – ...Потому что это касается не только документов, находящихся в публичной собственности, архивов телерадиовещания и официальных документов, это касается, например, произведений искусства... Какие-то из них попадут в музеи, какие-то исчезнут, о каких-то забудут. Бездарные литературные произведения останутся и, можно предположить, что были гениальные литературные, живописные, кинематографические произведения, от которых почему-то не осталось архива или они были уничтожены». Философ призывал архивистов сохранять данные об отобранных на уничтожение документах, как это делается при составлении актов на уничтожение и описей. Деррида придавал акту создания архива большое эпистемологическое значение и предложил специальный термин «archivation», в котором соединены «архив» и «осознанное действие». Под «созданием архива» Деррида понимал «работу по организации... как можно более долгого сохранения в данных политических или юридических условиях некоторых, преднамеренно отобранных следов прошлого». Он верил, что работа архивиста и содержание архива не принадлежат ни прошлому, будущему. Поэтому осудил остракизм, которому шартисты подвергли книгу Сони Комб о проблемах доступа («Запрещенные архивы», 1994), которую сам Деррида назвал замечательной⁵. Деррида вложил в термин «создание архива» идею политической цензуры, а П. Рикер считал его актом самоидентификации, без которого невозможно историческое переосмысление пространства и времени: «инициатива физических или юридических лиц, стремящихся сохранить следы своей деятельности, кладет начало сотворению истории»⁶. Рикер считал, что именно фондообразователь принимает главное решение – быть или не быть архиву, а архивоведение затем лишь организует «выбранный» им фонд.

Источник-историк: понимание архива

Размышления Фуко о сложностях работы с историческими источниками характеризуют кризис гуманитарных наук во Франции. Начав с истории XVI–XIX вв., затем Фуко изучил Античность и Средневековье⁷. Для него был важен «вопрос о документе», ибо «с тех пор как история получила статус науки, мы постоянно обращаемся к документам, исследуем их и так познаем себя». Он считал сложным, «исходя из сказанного документом, восстановить стоящее за ним прошлое, откуда он родом», как хотели позитивисты. Фуко упростил вопрос интерпретации, не заметив, что каждый «муравейник словесных следов, которые человек оставляет после смерти», имеет внутреннюю структуру и внешние границы. Он отбросил понятия «автора», «произведения», «фонда»⁸, но признал, что «должен существовать такой уровень, ... на котором произведение раскрывается во всем множестве своих составляющих, будь то используемая лексика, опыт, воображение, бессознательное автора или исторические условия, в которых он существует». Этого методического уровня достигла школа источниковедения ИАИ, но французская «типология источников», работающая по алгоритму Ланглуа и Сеньобоса, «выявление документа – внешняя и внутренняя их критика – установление частных фактов – изложение истории на их основе»⁹, на него не поднималась. Назвав методiku позитивистов «горячей ленью», а «чистое знание», полученное из источников, — «сортом умственной роскоши, богатством выскочек, внешними знаками которого являются постраничные сноски», Фуко не предложил новой методики, и в работах «Археология знания» (1969) и «Нужно защищать общество» (1975) объявил об отказе от их изучения. Чтобы уязвить «большую, нежную и теплосердечную франкмасонскую ложу ненужной эрудиции», он заявил, что «документ более не довлеет над историей». С ним согласен М. де Серто, считающий, что «идеология «реального» и «подлинного» исторического факта скоро уйдет в прошлое, а работа в архиве не будет обязательной для историка»¹⁰. Отказавшись от изучения авторства, Фуко хотел снять искажения образа дискурса и «выйти к другим формам закономерности и другим типам связи»¹¹ в изучении науки. Так он выразил характерное для XX в. растворение авторского начала в социуме, зависимость автора от различных «структур», «предписывающих ему... постулаты, оперативные схемы, языковые правила, совокупность фундаментальных положений и убеждений, образы или всю логику воображения»¹². Сделав этот вывод на современных архивах, Фуко отказался от изучения всех источников. Изучая дискурс без учета личностных особенностей создателей теорий, интерпретируя источники по истории науки без учета условия их создания, Фуко отделил абстрактный дискурс от исторического времени, в котором он возник, и сделал его неисторичным по сути, и по-

этому несостоятельным в качестве исторической реконструкции, как считал П. Рикер¹³.

Интерпретация источников

Фуко выразил недовольство молодых исследователей несовершенством специальных исторических дисциплин, призвал иначе ставить многие вопросы и иначе искать ответы на них. Он не признавал «методологического главенства философии над историей»¹⁴. Фуко при описании исторических явлений опирался не на источники, а на «относительно устойчивые совокупности отношений»,¹⁵ выявленные структурализмом. В трудах Фуко нет цельного учения об истории исторической науки, но много интересных замечаний о взаимоотношениях историка и власти. Он выделил три типа исторического сознания: до конца XVIII в. — историческое сознание римского типа (мифы и обряды, связанные с суверенностью), в новое время стал центральным вопрос о революции, о ее пророках и будущих завоеваниях¹⁶, а историческое сознание современного типа Фуко связывал с возникновением «противоистории» — пониманием того, что победа одних может быть поражением других.

В работе «Память, история, забвение» (2000) Рикер пишет о документальных свидетельствах и предлагает соединить методику исследования и его объект¹⁷, испытать присущий «объяснению/пониманию» тип мышления столкновением с историческими репрезентациями в историографии исторической науки. П. Рикер оценивает по достоинству разные методологии истории, но помещает свое изложение в контекст современной исторической и философской мысли. Рикер разделяет мнение Марка Блока о том, что история должна изучать «людей во времени»¹⁸, поэтому он тщательно исследует историю методологии исторической реконструкции. Он считает все стадии работы историка синхронными, а разделение между изучением источника, его пониманием и объяснением условным. «Никто не обращается к архивам, — пишет философ, — не имея замысла объяснения, без гипотезы понимания»¹⁹. Для Рикера важен момент встречи историка с источником: «если использованные документы и обретают значение доказательства, то только потому, что историк приходит в архив с вопросом». В терминах «свидетель — свидетельство — репрезентация прошлого» Рикер видит источниковедческую триаду «автор — источник — историк». Он уловил, что исторический источник с момента создания тесно связан с другими источниками, возникшими в данной ситуации, а эта группа источников связана с историческим контекстом, обусловившим их появление. В работе «Память, история, забвение» дается оригинальное философское обоснование принципа «уважения к фонду».

По мнению Рикера, профессиональный историк должен работать со всеми остатками прошлого, поскольку «критика, достойная этого назва-

ния, появилась только при столкновении свидетельства письменных источников со свидетельствами других следов прошлого, таких как руины и обломки». Рикер настаивает на существовании методов исследования, применимых ко всей совокупности национального достояния, но считает, что именно «архивоведению эпистемология работы историка обязана описанием признаков, фундаментально отличающих архивный документ от основанного на молве устного свидетельства»²⁰. «Преобразование архивоведения – пишет Серто о XVIII–XIX вв., – это начало и условие существования новой исторической науки».

Выводы

Если представители структурализма восприняли кризис методологии истории как повод либо для умственной игры без правил (Деррида), либо для отказа от изучения источника (Фуко), то Рикер и Серто слышали в нем призыв глубже его изучить. Дискуссия вокруг названных работ поместила историю и ее источники в центр внимания французского общества, «склонного путать роли свидетеля, эксперта, судьи и историка»²¹, но скорее как безгласный «предмет потребления культуры» в виде нескольких готовых идеологий и их иллюстраций, хотя и позволила прийти к согласию о политической функции остатков прошлого. Даже если философы смотрят на архивоведение извне, не всегда видя разницу между фондом и коллекцией, они первыми за пределами архивной профессии признали за архивоведением статус научной дисциплины, признали важность его методов для нормального функционирования исторической науки. Поскольку письменные источники не приспособлены для коммуникации в современном аудиовизуальном мире (поверхностный взгляд на письменный документ, в отличие от музейного экспоната и памятника архитектуры, не дает иллюзии понимания), а архивисты связаны различными обетами молчания (профессиональная, государственная тайна, запрет на обсуждение государственной архивной политики), то за них и за архивы говорят с французским обществом философы.

¹ *Dosse F.* Le moment Ricoeur. // *Vingtième siècle*. №69. Janvier-mars 2001. P. 137.; *II. Hopa.* Память, история // 50/50. Опыт словаря нового мышления. С. 440–441; *Derrida J.* Mal d'archive : une impression freudienne. Paris, 1995. P.142; *Derrida J.* Mal d'archives : une impression freudienne. Paris, 1995. P.142.

² *Derrida J.* Trace et archive, image et art: sténogramme d'une conférence donnée à L'INA le 25 juillet 2002. P. 127.; *Derrida J.* Mal d'archives. Paris, 1995. P. 15.

³ *Ricœur P.* La mémoire, l'histoire, l'oubli. Seuil, 2000. P. 183, 222.

⁴ *Ricœur P.* La mémoire, l'histoire, l'oubli. Seuil, 2000. P.171.

⁵ *Derrida J.* Trace et archive, image et art: sténogramme d'une conférence donnée à L'INA le 25 juillet 2002. P. 128–130.; *Derrida J.* Mal d'archive : une impression freudienne. P., 1995. P.15.

-
- ⁶ Ricœur P. La mémoire, l'histoire, l'oublié. Seuil, 2000. P. 183, 212.
- ⁷ Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000. С. 98.
- ⁸ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 10, 24, 26.
- ⁹ Источниковедение: теория, история, метод; источники российской истории М.: РГТУ, 1998. С. 49.
- ¹⁰ Certeau M., de. L'écriture de l'histoire. Paris :Gallimard, 1975. P. 89.
- ¹¹ Фуко М. Указ.соч..С.30, 185.; Источниковедение... С.62.
- ¹² Фуко М. Указ. соч. С. 150.
- ¹³ Ricœur P. La mémoire, l'histoire, l'oublié. Seuil, 2000. P. 254.
- ¹⁴ Канке В. А. Указ соч. С. 99.
- ¹⁵ Источниковедение... С. 114.
- ¹⁶ Idem. P. 72.
- ¹⁷ Ricœur P. La mémoire... P. 236.
- ¹⁸ Idem. P. 214–215.
- ¹⁹ Idem. P. 170.
- ²⁰ Idem. P. 211, 216.; Certeau M., de. L'écriture de l'histoire. Paris :Gallimard, 1975. P. 87.
- ²¹ Dosse F. Le moment Ricoeur // Vingtième siècle. № 69. Janvier-mars 2001. P. 137.

Е. В. Путилова
Уральский федеральный университет

РОЛЬ ИСТОЧНИКА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Историческая наука и исторический источник теснейшим образом связаны между собой, т. к. источник является тем хранилищем информации, из которого наука черпает данные для собственного развития и оформления. Одной из составляющих исторической науки является историография. В таком случае, как она соотносится с историческим источником? Попытаемся ответить на этот вопрос, обратившись к американской традиции исследования наполеоновских войн.

Источник начинает играть важную роль уже на первом этапе формирования национальной историографической традиции, выступая в качестве предтечи первых научных исследований. В начале XIX в. подобную роль в США в рамках обозначенной нами темы выполнял массив периодической печати и материалы официального делопроизводства. Причем уже тогда современники активно оперировали понятием исторической критики, в